

Ярослав Северцев

ЭЭЯ.
ДУША ВОЛКА

Ярослав Северцев

Ээя. Душа волка

«Автор»

2026

Северцев Я.

Ээя. Душа волка / Я. Северцев — «Автор», 2026

Остров Ээя называют проклятым. Люди, попавшие туда, не возвращаются. Одних Кирка превращает в чудовищ. Других — в зверей. Они забывают свои имена. И с каждой ночью всё сильнее жаждут крови. Менесф, величайший наварх Эллады, преданный в день собственной свадьбы, обречён прожить остаток жизни в теле волка. Но встреча с юным Телегоном меняет всё. Пока Менесф отчаянно цепляется за свое имя, зверь внутри него становится сильнее. «Ээя. Душа волка» — тёмное эпическое фэнтези по мотивам древнегреческих мифов о Кирке, Одиссее и Телегоне. История о человеке, для которого самой страшной битвой станет борьба за собственную душу.

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Ярослав Северцев

Эя. Душа волка

Глава 1

Пролог

Телегон

— Смотри, Телегон.

Мать остановилась на тропе и едва заметно кивнула в сторону скал.

На узком каменном уступе, прижатый к отвесной стене зарослями колючего терновника, стоял огромный волк. Его серебристо-серая шерсть свалялась от грязи и засохшей крови, а морду и бока пересекали старые шрамы.

Пятеро матёрых чёрных волков медленно окружали его полукольцом. Впереди шёл вожак. Остальные расходились в стороны, неторопливо отрезая дорогу к лесу.

Они не спешили. Они шли убивать того, кому больше некуда было бежать.

Мать усмехнулась.

— Надо же... Столько лет прошло, а он всё ещё сопротивляется.

— Кому? — не понял я.

— Самому себе.

Я снова посмотрел на них.

— Но это нечестно. Их же пятеро на одного.

Мать уже отвернулась.

— Пойдём. Это не наше дело.

Я не двинулся с места.

Мне не раз доводилось видеть смерть на острове. Животные рвали друг друга. Химеры пожирали слабых. Всё это давно стало частью жизни на Эе.

Но сейчас... этот волк вёл себя иначе. Он не рычал и не бросался вперёд. Он лишь переводил взгляд с одного противника на другого, словно просчитывал их движения. Так смотрели опытные воины перед боем.

Мать скрылась за деревьями, а я остался на тропе один.

Первым прыгнул молодой волк.

В последний миг серебристый сместился в сторону. Нападавший пролетел мимо, покатился по камням и, жалобно скуля, влетел в заросли терновника.

Я невольно поморщился. Неделию назад я сам полез в эти кусты за ежевикой. Царапины на голени до сих пор не зажили.

Второй волк рванул следом, целясь в горло. Серебристый резко развернулся и сомкнул челюсти на его морде. Раздался пронзительный визг. Слеплённый болью волк отшатнулся.

Третий уже был в прыжке. Серый будто только этого и ждал. Он припал к земле, и чужое тело пролетело над ним. В следующее мгновение волк ударил противника плечом в бок, направляя его прямо в скалу. Раздался глухой стук.

Я нахмурился.

Звери так не дрались. Так сражались люди.

Оставшиеся двое набросились одновременно. Один вцепился серебристому в загривок, второй полоснул клыками по плечу. На светлой шерсти проступила кровь.

Ещё немного — первые трое оправятся и тогда для серого всё будет кончено.

Я сам не понял, когда нагнулся. Мои пальцы уже сжимали тяжёлый камень.

— Пошли вон!

Я метнул его в вожака. Камень ударил чёрного волка в бок. Вожак медленно повернул голову. Пять пар жёлтых глаз впились в меня. Волки оскалились и медленно двинулась в мою сторону.

Но я смотрел только на серебристого. Он тяжело поднялся на лапы и встретился со мной взглядом.

В его глазах не было зверя. Только смертельная усталость и отчаянная безысходность того, кто понимает: через несколько мгновений мы оба умрём.

Глава 1. Кровь на ткацком станке

Менесф

За тринадцать лет до этого...

Мыс Киллена всегда пах одинаково: гниющей камкой, выброшенной на берег после шторма, сосновой смолой, которой конопатили триремы, и овечьим потом.

Сегодня к привычным запахам примешивался густой, сладковатый аромат мирры. Он был настолько сильным, что у меня засвербело в носу.

Я стоял у низкого парапета отцовского дома и смотрел на гавань. Внизу, покачиваясь на привязи, ждали четыре моих корабля — мои настоящие «невесты», как шутили матросы.

Длиннобокие и хищные, с круто выгнутыми ахтерштевнями, они казались живыми даже у причала. Я сам выбирал для них строевой лес на склонах Эриманфа, знал характер каждой доски, помнил каждую медную заклёпку в обшивке и по одному лишь скрипу мог определить, какая балка приняла на себя слишком большую нагрузку.

В двадцать шесть лет я стал самым молодым навархом союза. Моего имени хватало, чтобы финикийские купцы поспешно сворачивали паруса и уходили под защиту чужих портов.

Я поправил складки тяжёлой шерстяной хлены. Жёсткая ткань была окрашена дорогим тирским пурпуром и пахла вином.

Мать настояла, чтобы я надел именно её.

«Мужчина не должен пахнуть одной лишь палубой, когда входит в дом будущей жены», — сказала она утром, сама закрепляя золотую застёжку у меня на плече.

Я тогда лишь усмехнулся. Всё происходящее казалось мне затянувшимся обрядом, исход которого решили ещё весной, когда моя эскадра вернулась из Леванта с богатой добычей.

Выгодный союз, заключённый не только между двумя людьми, но и между двумя могущественными домами побережья. Старый архонт Ликомед получал защиту для гавани. Меня ждали земли, влияние и жена из одного из древнейших домов Киллены.

Я покинул террасу и вошёл в прохладный полумрак дома. Шум праздника доносился из мегарона приглушённым гулом. Во дворе перекликались слуги, гости смеялись и звенели чашами, а от жертвенника тянуло дымом, вином и палёной шерстью ягнёнка.

Я искал Клею.

По обычаю жених не должен был видеть невесту до начала пира, однако нравы на Киллене всегда были свободнее, чем в чопорных Афинах. К тому же я признавал лишь те запреты, в которых видел смысл.

— Алкиона, принеси ещё шерсти, — раздался из соседней мастерской женский голос.

Услышав знакомое имя, я заглянул внутрь.

Алкиона сидела у низкого стола, разбирая мотки пряжи. Светлое платье без вышивки и украшений почти не отличало её от остальных девушек, но простая ткань лишь подчёркивала тонкость её фигуры и густые тёмные волосы, собранные на затылке.

Услышав мои шаги, она подняла голову.

— Наварх.

Я улыбнулся.

— Рад тебя видеть. Всё ещё уверяешь красильщиков, что шерсть нужно вынимать из чана раньше, чем они привыкли?

Алкиона рассмеялась.

— Они до сих пор считают, что я испорчу цвет.

— Значит, ничего не изменилось.

Я задержался рядом с ней ещё на несколько мгновений, расспрашивая об отце и младших братьях. Мы знали друг друга с детства, и я привык относиться к Алкионе с тёплой снисходительностью старшего брата. В её голосе слышалось привычное смущение.

Простившись, я продолжил поиски и вскоре нашёл Клею в малой ткацкой мастерской.

Она стояла у вертикального станка. Солнечный луч, пробившийся сквозь узкое окно, падал на её руки, и на мгновение мне показалось, будто её пальцы сотканы из золотистого света.

Клея прибавала уток тяжёлым костяным гребнем. Дерево мерно ударялось о дерево, и этот ровный звук напоминал спокойное биение сердца.

На станке висел почти законченный гиматий из тончайшей милетской шерсти. Белоснежное полотно спадало до самого пола, а по подолу шёл сложный узор из переплетённых дельфинов и волн, вышитых синей нитью.

— Ты торопишься, — сказал я, прислонившись к притолоке. — До заката ещё три часа, а старейшины только начали собираться у жертвенника.

Клея вздрогнула так сильно, что костяной гребень едва не выпал у неё из рук.

Услышав мой голос, она резко обернулась. Привычной мягкой полуулыбки не было. В её глазах застыло напряжение. Так матросы смотрели на горизонт, когда ветер внезапно стихал, а небо становилось цвета старого олова.

— Ты не должен быть здесь, Менесф, — её голос прозвучал глухо.

Клея отступила на полшага, словно хотела заслонить собой полотно.

— Это дурной знак. Жених не должен видеть свадебный покров до того, как омоет руки кровью жертвенного ягнёнка.

— Я видел столько крови, что богам Киллены пришлось бы три дня держать меня в кадушке с чистой водой.

Я подошёл ближе. Тяжёлые сандалии глухо стучали по глинобитному полу.

— Узор красивый. Дельфины и волны подходят жене моряка. Твой отец говорил, что наш союз укрепит флот лучше десяти новых галер.

Клея опустила глаза.

Её пальцы судорожно перебирали нити основы, натягивая их всё сильнее. Они тихо звенели под её прикосновениями, словно тетива лука.

— Мой отец думает о кораблях, — прошептала она. — Все мужчины думают о кораблях или о золоте.

— А о чём думаешь ты?

Я протянул руку, желая коснуться её щеки.

Клея уклонилась, сделав вид, будто заметила провисший грузик у основания станка, и наклонилась, чтобы поправить его.

— Я думаю о роке, Менесф. Иногда мне кажется, что боги редко дают людям то, чего они просят. Гораздо чаще они бросают нам под ноги то, от чего невозможно отказаться.

Я нахмурился.

— Ты боишься свадьбы?

Клея замерла возле станка.

— Я боюсь того, что будет после неё.

— После неё ты станешь хозяйкой дома наварха, а через год будешь жаловаться моей матери, что я слишком редко бываю на берегу.

Я улыбнулся, ожидая в ответ хотя бы слабой улыбки.

Она не улыбнулась.

В коридоре раздалось шарканье сандалий. К мастерской приближался её отец, старый архонт Ликомед.

Клея резко подняла голову.

— Тебе нужно уйти.

В её голосе прозвучала мольба.

Я отступил к двери. Напряжение в комнате ощущалось кожей, как воздух перед грозой, но я всё ещё принимал его за обычный страх молодой девушки перед замужеством.

Я умел читать море. По дрожанию снастей угадывал приближение шторма, а по движению вражеского весла определял направление удара.

Скрытые течения человеческой души оставались мне неподвластны.

Уже выходя в коридор, я снова посмотрел на свадебный покров.

На самом краю белого полотна, почти скрытая ладонью Клеи, темнела свежая капля крови.

Я остановился.

— Ты порезалась?

Клея быстро прижала палец к губам.

— Это всего лишь игла.

Ликомед показался в конце коридора. Увидев меня, старик побледнел, но почти сразу натянул на лицо приветливую улыбку.

— Наварх, гости уже ждут тебя в мегароне.

Я перевёл взгляд с архонта на Клею. Она стояла у станка, прижав окровавленный палец к груди, а за её спиной синие дельфины сплетались на белом полотне в замкнутый круг.

Мне следовало задать ещё один вопрос.

Из мегарона донёсся громкий смех. Ликомед положил ладонь мне на плечо, и я последовал за ним в пиршественный зал.

Глава 2

Глава 2. Цена тридцати кораблей

Менесф

Пир начался, когда солнце коснулось верхушек кипарисов.

Большой мегарон Ликомеда был переполнен. Пахло жареной бараниной, чесноком, благовониями и дешёвым местным вином, которое хозяин щедро разбавлял морской водой, чтобы гости дольше не хмелели.

Я возлежал на почётном ложе по правую руку от хозяина. Стоило мне пригубить вино, как слуги вновь наполняли бронзовый кубок, украшенный сценами охоты.

За столами собрались старейшины Киллены, корабельные мастера, землевладельцы и несколько военачальников. Многие поднимали чаши в мою честь. Другие смотрели с плохо скрываемой завистью.

Подобные взгляды давно перестали меня задевать.

Я поднял кубок, приветствуя старого кормчего, и только тогда заметил человека, сидевшего напротив, по другую сторону кострища.

Это был Главкон.

Я не ожидал увидеть его в доме Ликомеда.

Главкон не был моряком. Он приходился сыном богатому коринфскому торговцу зерном и обладал мягкими ладонями, никогда не знавшими весла. Его тонкие губы всегда были искривлены в лёгкой усмешке, словно он знал о каждом присутствующем какую-то постыдную тайну.

Его отец ссужал Ликомеду деньги под проценты. Мне было известно, что старый архонт давно погряз в долгах, однако сегодня коринфянин держался слишком уверенно для обычного гостя.

На нём был тонкий ионический хитон, застёгнутый на плече золотой фибулой. На запястье тускло поблёскивал браслет в виде свернувшейся змеи.

Главкон перехватил мой взгляд и слегка приподнял кубок.

Его улыбка стала шире.

Я ответил коротким кивком. Решил, что коринфянин приехал обсуждать долги Ликомеда или будущие поставки зерна. Всё это не имело значения. После свадьбы дела архонта станут частью моих дел, и тогда Главкону придётся говорить уже со мной.

Слуги разнесли запечённую в золе рыбу и ячменные лепёшки. Флейтистки умолкли, а Ликомед поднялся со своего кресла.

Шум в зале начал стихать.

Я выпрямился. Сейчас должны были прозвучать слова, которые свяжут мою жизнь с Клеей и сделают меня частью этого дома.

Ликомед поднял чашу.

Рука архонта едва заметно дрожала, однако голос, привыкший перекрывать гул народного собрания, звучал твёрдо:

— Друзья и соратники! Боги Олимпа милостивы к нашему дому. Сегодня, когда луна наполнится наполовину, мы зажжём факелы в честь союза, который спасёт Киллену от разорения. Зевс-Гостеприимец и владыка Посейдон благословили этот брак.

Я улыбнулся и перевёл взгляд на Клею.

Она стояла у дальней стены среди женщин. Её лицо было бледным, словно вырезанным из воска. Свадебное покрывало скрывало волосы и спадало на плечи мягкими складками.

Рядом с ней стоял Главкон.

Я не сразу заметил, когда он успел покинуть своё место. Увидел лишь, как пальцы коринфянина едва заметно коснулись края её покрывала.

Клея не отстранилась.

Улыбка исчезла с моего лица.

— Я объявляю, — продолжил Ликомед.

На одно короткое мгновение его взгляд встретился с моим. В глазах старика были вина и затаённый страх.

— Моя дочь Клея станет женой Главкона, сына Ксенофонта из Коринфа. Наш долг будет прощён, а Коринф даст Киллене тридцать новых кораблей для защиты гавани.

В мегароне стало так тихо, что я услышал, как жир капает с вертела в угли.

Одна капля упала в огонь и зашипела.

Я не пошевелился.

Мои пальцы продолжали сжимать ножку кубка. Бронза жалобно скрипнула, медленно поддаваясь силе руки. Вино выплеснулось на белую ткань и растеклось багровым пятном.

Мой взгляд скользнул по притихшим лицам гостей и на мгновение остановился на Алкионе.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Мне показалось, будто в них на миг вспыхнула надежда. Затем она словно застыдилась собственных чувств, быстро опустила голову и крепче сжала в пальцах край покрывала.

Другие гости, напротив, подались вперёд, боясь пропустить то, что произойдёт дальше.

— Что ты сказал, старик? — спросил я.

Я говорил тихо, почти ласково. Мои матросы знали эту интонацию. Так я отдавал последний приказ перед абордажем.

Ликомед сглотнул.

— Менесф, выслушай меня.

— Я уже услышал.

Архонт открыл рот, однако за него ответил Главкон.

Коринфянин неторопливо шагнул вперёд, поправляя складки хитона.

— Архонт сказал то, что слышали все, наварх. Клея выходит за человека своего круга. За того, за чьё золото покупают корабли, а не за того, кто нанимают, чтобы ими управлять.

За спиной судорожно втянули воздух.

Я медленно поднялся.

Я был на голову выше Главкона. Пурпурная хлена соскользнула с моего плеча, обнажая жилистые руки, покрытые шрамами от канатов и мечей.

— Тебе здесь по-прежнему рады как гостю, — продолжил Главкон. — Выпей за наше счастье. Разумеется, если у тебя хватит благородства.

— Ты рассуждаешь о благородстве, торговец гнилым зерном?

Я шагнул вперёд, переступив через опрокинутую скамью.

— Вы сторговались за моей спиной и теперь предлагаете мне выпить за эту сделку?

Я повернулся к Клее.

Она не подняла глаз.

В памяти всплыла ткацкая мастерская. Натянутые нити, дрожащие пальцы, кровь на белом полотне и синие дельфины, замкнутые в круг.

Только теперь я понял, почему свадебный гиматий был украшен дельфинами и волнами. Этот узор предназначался не мне.

Он был создан для Главкона, человека из Коринфа, города двух морей.

Клея знала обо всём с самого начала.

Возможно, она любила коринфянина. Возможно, выбрала его золото или покорила воле отца. Для меня это уже не имело значения.

Моё имя использовали, чтобы отпугивать пиратов. Мои корабли защищали гавань, пока Ликомед торговался с коринфянами. Меня самого привели в этот дом как оружие, которое можно выбросить, когда оно больше не нужно.

— Посмотри на меня, — сказал я.

Клея вздрогнула, но глаз не подняла.

— Я сказал, посмотри на меня.

Она медленно подняла голову.

Я искал на её лице сожаление, стыд или хотя бы смущение, но увидел лишь облегчение — словно участи хуже брака со мной нельзя было вообразить.

Это ранило сильнее слов Главкона.

— Менесф, уймись! — крикнул Ликомед. — Ты находишься в моём доме. Здесь моя воля — закон.

Я повернулся к нему.

— Твоя торговля держится на моих кораблях, Ликомед. Твои купцы возвращаются с полными трюмами лишь потому, что мои люди гибнут, защищая эти берега.

— Ты получил свою долю добычи.

— Ты обещал мне дочь.

Ликомед побледнел, однако не отступил.

— Я обещал союз, пока этот союз был выгоден Киллене.

Главкон улыбнулся.

— В этом разница между воином и правителем. Воин держится за слово, даже когда оно его губит. Правитель нарушает его во имя интересов своего народа.

Я потянулся к рукояти ксифоса.

Гости отшатнулись.

Клея вскрикнула.

Главкон не дрогнул. Он лишь едва заметно кивнул кому-то за моей спиной.

В этот миг я снова почувствовал мирру.

Сладкий запах, преследовавший меня с самого утра, стал ещё сильнее.

Я начал поворачиваться, уже понимая, что опоздал.

Глава 3

Глава 3. Кирка примет его

Менесф

За моей спиной стояли двое жрецов в чёрных плащах.

Я не заметил, когда они вошли в мегарон. Их головы были выбриты, а лица покрывали тонкие линии синей краски. Один жрец держал короткий посох, обвитый высушенными водорослями. В руках второго находилась небольшая серебряная чаша, над которой струился едва заметный дым.

Именно от неё исходил запах мирры.

Я обнажил ксифос.

Клинок успел выйти из ножен лишь наполовину.

— Не стоит обнажать оружие, осквернитель, — произнёс Главкон.

В его мягком голосе впервые прозвучало открытое торжество.

— Боги уже указали на тебя. Жрецам Посейдона известно, что ты нарушил клятву во время последнего похода.

Я перевёл взгляд на него.

— О какой клятве ты говоришь?

— Ты покинул священную гавань прежде, чем жрец закончил жертвоприношение. Твои люди осквернили берег, посвящённый владыке моря. После этого три корабля погибли в бурю.

— Буря началась через семь дней после нашего отплытия.

— Боги не всегда карают сразу.

По залу прокатился возмущённый гул. Несколько старейшин поспешно коснулись амулетов на шее, словно защищаясь от моего святотатства. Я понял, что обвинение готовили заранее. Для простых людей совпадения были знаками. Для жрецов знаки становились оружием. Главкон лишь выбрал момент, когда это оружие следовало вложить им в руки.

— Ты проклят, Менесф, — продолжил коринфянин. — И лишь море способно очистить Киллену от твоего присутствия.

— Тогда выйдем к морю, и ты повторишь это перед моими людьми.

Главкон усмехнулся.

— Твои люди уже получили приказ оставаться на кораблях.

Я почувствовал холод между лопаток.

— Чей приказ?

— Твой.

Ликомед отвернулся.

В этот миг я понял, насколько тщательно была подготовлена ловушка. Моё имя и моё доверие использовали против меня. Пока я стоял перед Клеей, веря, что пришёл на собственную свадьбу, кто-то уже распоряжался моими кораблями.

Я шагнул к Главкону.

Жрец с посохом преградил мне дорогу.

Я ударил первым — рукоятью ксифоса в висок. Он рухнул на колени, но второй уже поднял серебряную чашу.

Я успел увидеть маслянистую чёрную жидкость, покрытую радужной плёнкой.

Затем жрец плеснул её мне в лицо.

Содержимое чаши обожгло кожу.

Запах мирры мгновенно превратился в удушливый смрад серы и тухлой крови. Я вдохнул, и лёгкие словно заполнились раскалённым свинцом.

Я попытался задержать дыхание, но было поздно.

Ксифос выпал из ослабевших пальцев и со звоном ударился о каменный пол.

Стены мегарона покачнулись.

Пламя кострища вытянулось в длинные багровые языки. Лица гостей начали плавиться, превращаясь в уродливые маски. Глаза разрастались, рты раскрывались слишком широко, а человеческие голоса смешивались с рёвом моря.

Я сделал шаг к Главкону.

Колени подломились.

Я упал на одну руку, но заставил себя подняться. Кожа горела. Суставы скручивало так, словно невидимый палач выворачивал их из тела.

— Что это? — прохрипел я.

Никто не ответил.

Ликомед стоял возле своего кресла и смотрел на меня с ужасом. Страх старика был почти осязаем. Возможно, он не знал, чем именно закончится ритуал. Или лишь сейчас понял, какую силу впустил в собственный дом.

Клея прижала ладони ко рту.

Главкон больше не улыбался.

Я хотел добраться до него. Попытался сделать ещё один шаг, но пальцы правой руки свело судорогой.

Ногти потемнели.

Кости под кожей начали сдвигаться.

Боль стала такой сильной, что я перестал слышать крики гостей.

Я упал на бок. Пурпурная хлена обвилась вокруг ног, словно кровавая сеть. Ткань затрещала, когда моё тело выгнулось в новой судороге.

Сквозь шум в голове я услышал голос жреца:

— Морю он больше не принадлежит.

— Тогда кому? — спросил Ликомед.

Ответ пришёл не сразу.

Я уже почти не различал слов, но имя, произнесённое жрецом, прорезало тьму в моей голове.

— Кирка примет его.

Клея шагнула вперёд.

— Вы говорили, что его просто изгонят.

Главкон схватил её за запястье.

— Теперь поздно сожалеть.

Я посмотрел на неё. Даже теперь я искал на её лице раскаяние, хотя понимал, насколько бессмысленной была эта надежда.

Клея наконец вырвала руку у Главкона и бросилась ко мне.

Она не успела.

Моё тело выгнулось в последний раз. Каменный пол исчез. Вместо него под щекой оказалась ледяная вода. Воздух наполнился солью, водорослями и запахом чужой магии.

Я почувствовал, как нечто огромное и тёмное сомкнулось вокруг меня.

Последним ощущением стала кровь во рту.

Затем мир провалился в чёрную бездну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.